

Директриса только что проводила Ли Ин, когда во двор вошел Хэ Ян.

У Ли Ин и семьи Хэ Яна были свои счёты. Когда-то, когда мать Хэ Яна была ещё жива, Ли Ин постоянно распускала о них грязные слухи, поливала их грязью, рассказывала всем, что мать Хэ Яна — женщина несчастливая, проклятая, иначе зачем бы ей родить такого уродца, ни мужика ни бабу? А ещё говорила, что семья их проклята на бедность, что никогда им не выбраться из нищеты. Потом мать Хэ Яна умерла, и Ли Ин, не моргнув глазом, заявляла другим: «Сами посудите, если человек несчастливый, то и Бог от него отвернётся — забрал её, и правильно сделал». А когда Хэ Ян нашёл себе богатого и красивого мужа, да ещё и с приданым в пять миллионов, и слухи поползли, что он теперь живёт как в раю, — тут уж Ли Ин захлестнуло такой завистью, что она снова принялась судачить: мол, Хэ Яну такая судьба не по зубам, всё равно разведётся, помяните моё слово.

Вот почему теперь, столкнувшись с Хэ Яном лицом к лицу, Ли Ин не посмела вымолвить ни слова — только опустила голову и поскорее юркнула за ворота. Хэ Ян проводил её взглядом и вдруг поймал себя на мысли, что впервые видит эту сплетницу такой — притихшей, словно нашкодившая кошка. Но радость была недолгой: в тусклом свете фонаря он перехватил её быстрый, колючий взгляд, скользнувший по его животу. Сердце тревожно ёкнуло — заметила? Поймёт? Или уже придумывает новую сплетню?

Может, из-за позднего часа, а может, из-за тусклого жёлтого света фонаря, Ли Ин мельком глянула на Хэ Яна и заметила его отчётливо округлившийся живот. Сколько ни ломала она голову, так и не могла понять, что это значит.

В день Нового года в воздухе витал особенный, густой запах праздника. Всё вокруг дышало торжеством и радостью.

Каждый был одет с иголочки, люди улыбались друг другу, желали счастливого Нового года.

Директриса специально надела красное платье-ципао и повела детей в храм — зажигать благовония и молиться.

Только Хэ Ян остался дома один — он боялся выходить на улицу, потому что в городке теперь только и разговоров было что о его разводе: одни говорили, что его выгнали взашей, другие — что он бесплоден, потому муж от него и отвернулся, третьи — что ребёнок, которого он носит, не от мужа, что муж застал его с любовником и потому вышвырнул.

Поначалу, слушая все эти грязные сплетни, он злился, закипал гневом, хотелось спорить, доказывать, кричать.

Но мать когда-то сказала ему мудрые слова: «У каждого человека есть рот, и что он скажет — не остановить. Даже если ты сегодня с ними поссоришься и победишь, что завтра? Послезавтра? Яньян, наша совесть чиста — просто делай своё дело и будь собой».

И правда: Хэ Ян ничего не мог изменить. Даже если он спрячется сейчас дома, боясь высунуть нос, они всё равно будут перемывать ему косточки, портить ему кровь.

Он-то привык. Но его будущий ребёнок — сможет ли он вынести это? Сможет ли привыкнуть? При одной только мысли о том, как чужие злые языки будут касаться его малыша, внутри всё холодело, руки сами тянулись к животу — защитить, укрыть от этого мира, который не жалел даже взрослых. Хэ Ян не хотел, чтобы его малыш рос в такой обстановке; он хотел дать своему ребёнку хорошую среду, чтобы тот рос здоровым и счастливым.

Он уже договорился с Ли Гуанбинем: после праздников он уедет в Юньчэн — может, на год, а может, и на два. Ли Гуанбинь уважал его решение и обещал привозить к нему директрису с детьми почаще.

Раз уж выходить не хочется, Хэ Ян решил заняться делом — приготовить праздничный ужин.

Хэ Ян был из тех, кто рано повзрослел: готовил он мастерски, без лишних слов.

Разделал курицу, почистил рыбу, нажарил хрустящего мяса — шкворчащего, золотистого, такого, что пальчики оближешь. Нарезал овощи, и скоро по всему дому поплыл густой, сытный запах праздника, от которого у любого потекли бы слюнки. В печке весело потрескивали дрова, наполняя кухню живым теплом.

Когда директриса с детьми вернулись, из кухни уже доносились такие умопомрачительные запахи, что детишки, не сговариваясь, гурьбой влетели внутрь и облепили печку, заворожённо глядя, как шипит масло и румянятся пирожки.

Работа закипела сообща: директриса замесила тесто и принялась лепить пельмени, а остальные разобрали кто что — одни клеили праздничные парные надписи, другие вырезали бумажные узоры на окна, третьи чистили овощи или подбрасывали дрова в печь, чтобы жар не угасал.

Часа через два-три, когда все уже намаялись, праздничный ужин был наконец готов, а во дворе Ли Гуанбинь уже сгрузил целую охапку фейерверков, пообещав, что после трапезы можно будет устроить настоящий салют. Директриса и Хэ Ян, конечно, пригласили его разделить с ними праздничную трапезу.

Вся большая семья уселась за круглый стол, ломившийся от яств, — глаза разбегались, слюнки текли от одного только вида. Но в воздухе витало не только довольство, но и лёгкая грусть: после этого Нового года Хэ Ян должен был уехать в Юньчэн, и вряд ли в следующем году они смогут вот так же собраться всем вместе за одним столом. Потому этот вечер был особенно дорог — каждой минутой, каждым смехом, каждым тёплым взглядом.

Дети держали язык за зубами — ни слова о том, что Хэ Ян ждёт ребёнка. Сколько бы взрослые ни допытывались, они только головой качали, делая вид, что не понимают.

Большинство горожан не жаловали ребят из приюта — старые суеверия, феодальные предрассудки: боялись, что дети эти несчастливые, что у них может быть какой-нибудь изъян. Ну кто, скажите на милость, станет бросать здорового ребёнка, да ещё сына? Значит, что-то с ними не так. Потому дети из приюта держались вместе. Те, кто постарше, ходили в школу — там они встречали ребят из разных мест, заводили друзей, это было полегче.

А малыши, брошенные своими родителями, были особенно чуткими и ранимыми: они знали, что такое быть ненужным, и потому оберегали будущего ребёнка Хэ Яна как могли. Когда взрослые начинали расспросы, они только переглядывались и, сжав губы, качали головами — делали вид, что не понимают. Никто из них не проронил ни слова, хотя тайна так и распирала изнутри, хотелось поделиться, рассказать, какое счастье скоро придёт в их дом. Но они молчали. Молчали ради него.

— Дорогие мои братики и сестрички, тише! Бабушка хочет сказать несколько слов, хорошо? — Хэ Ян заметил, что директриса собирается что-то сказать, и попросил детей замолчать.

Директриса сидела прямо, с достоинством. В честь Нового года она даже нанесла лёгкий макияж, чтобы выглядеть посвежее.

— Дети мои, — начала она, и голос её чуть дрогнул, но она справилась, улыбнулась, — сегодня последний вечер старого года, а завтра наступит новый. Это значит, что вы стали ещё на год старше. — Она обвела взглядом притихших ребятишек. — Вы должны быть послушными, хорошо учиться, быть смелыми. Бабушка больше всего на свете хочет, чтобы вы выросли хорошими людьми. — Она помолчала, подбирая слова. — Бабушка стареет, и вы должны понимать: она не сможет быть с вами вечно. Дальше вам придётся идти самим. Может, сейчас вы не до конца понимаете мои слова, но запомните их в своих сердцах, хорошо?

— А теперь давайте все поднимем наши стаканчики и скажем друг другу: с Новым годом! — закончила она с улыбкой.

<http://bllate.org/book/16098/1572348>